
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Поэзия русских философов XX века. Антология. Составители М. Сергеев и Л. Столович. Бостон, 2011, 302 с.

Название лежащей передо мной книги, думаю, обратит на себя внимание даже человека, не очень искушённого в истории философии. Философа-лирика не так уж часто встретишь. Правда, может возникнуть и другой вопрос: а не является тяга философа к поэтическому творчеству лишь выражением общезначимости известного физикам “принципа дополнительности”, т.е. того простого факта, что поэзия даёт любителю-стихотворцу то, чего ему не хватает в его собственной профессии? И тогда его поэтические опыты интересны только ему самому. Но и это предположение вполне может заинтересовать любителя поэзии: значит, и философу (!) ничто человеческое не чуждо. Мой интерес к названной книге продиктован совсем другими соображениями – может, потому, что сама стихов не пишу. Эти соображения связаны с интересом к проблеме, заявленной автором вступительной статьи “Философия в поэзии и поэзия в философии” Леонидом Столовичем, а именно: какое место занимает философия между двумя полюсами таких видов человеческой деятельности, как познавательная и ценностно-ориентационная, и может ли философия создавать картины мироздания, на что она не без основания претендует, только средствами логического мышления? Мне кажется, именно эта проблема не в последнюю очередь стала побудительной для составителей Антологии. Во всяком случае, не могу не согласиться со следующим тезисом, воспринятым мною в качестве одной из её методологических посылок: “Ориентация на научное знание, так сказать, сциентизация философии, не есть единственная тенденция развития философской мысли. Со времени своего возникновения философия развивалась также в *эстетико-художественном* ключе. <...> Для понимания русской философской мысли очень важно иметь в виду ее проявление в жанрах философского романа и философской лирики” (с. 10). Позволю дополнить авторскую мысль: для понимания не только философской мысли, но и философской лирики.

Названная проблема немало лет волнует автора вступительной статьи, о чём свидетельству-

ют его публикации на эту тему¹. Я тоже в меру своей компетенции обращалась к данной теме, пытаясь выяснить смысл связи столь различных видов духовного творчества². Мой интерес шёл не от поэзии, а именно от философии: зачем ей поэзия? Для отдохновения от жёстких и порой скучных логических схем? Или потому, что постижение смысла бытия – цель, которую она ставит – *не может* быть достигнуто только ее средствами, а точнее, *может быть достигнута* только при условии единения ее усилий с формами художественного (образного, эстетического) восприятия мира? На память в этой связи приходят слова одного из самых глубоких философов и одновременно прекрасных поэтов XIX в. Вл. Соловьёва: “Художественному чувству непосредственно открывается в форме ощутительной красоты то же совершенное содержание бытия, которое философией добывается как истина мышления, а нравственной деятельности даёт о себе знать как безусловное требование совести и долга. Это только различные стороны или сферы одного и того же. Между ними нельзя провести разделения, и ещё менее могут они противоречить друг другу”³. “Поэзия русских философов XX века” – ещё одно доказательство истинности этого утверждения. Она свидетельствует, что “согласие ума и сердца” возможно, более того, только при его условии мир предстаёт перед человеком во всей его мудрости и красоте.

---

¹ См.: *Столович Л.Н.* Максимилиан Волошин в контексте истории русской философии (К 130-летию со дня рождения М.А. Волошина) // Вопросы философии. 2008. № 3; *Его же.* История русской философии. Очерки. М.: Республика, 2005.

² См.: *Сиземская И.Н.* Русская философия и лирическая поэзия: “согласие ума и сердца” // Поэзия как жанр русской философии. Антология. Составитель И.Н. Сиземская. М., ИФ РАН, 2007; *Сиземская И.Н.* О внутреннем согласии русской философии и литературы // Философия и культура. 2011. № 5.

³ *Соловьёв Вл. Ф.И. Тютчев // Соловьёв Вл.* Стихотворения. Эстетика, Литературная критика. М., 1990. С. 287.

Антология открывается подборкой философско-поэтических размышлений Л.П. Карсавина (“Венок сонетов”, “Терцины”), П.А. Флоренского (“Два завета”, “Две ночи”, “Звёздная дружба”, “На высотах”), А.Ф. Лосева (“У снегов Эльбруса”, “Оправдание”). Вот одно из цикла “Терцины” Л.П. Карсавина.

В сомнении коснею у порога
Небытия (– начала и конца). –
Нет без меня познания, нет и Бога:

Без Твари быть не может и Творца,
Как быть не может твари совершенной
Без Твоего тернового венца.

Но нет меня без этой жизни брэнной,
Без адских мук, без неба и земли,
Без разделённой злобою вселенной,

Без мерзких гадов и ничтожной тли (с. 40–41).

Попробуйте в приведённых строках провести границу между художественной формой и философским смыслом – не получится. Более того, глубокому смыслу соответствует (дополняет его) выбранная крайне сложная художественная форма, которая обогатила философско-религиозную идею всединства эстетикой поэтических образов. Видимо, дело не просто в том, что между истинным художником и подлинным мыслителем существует духовное сродство (хотя и в этом тоже), а в том, что оба рода творчества, как был уверен С.Л. Франк, “истекают в конечном итоге из одного источника”. Этим источником является духовная культура как способ выражения *человеческого* отношения к миру. Поэтому в особенностях последнего и надо искать объяснения внутреннего согласия философии и поэзии. Это согласие, под знаком которого развивалась отечественная культура весь XIX век, войдя в историю России как Золотой век русской культуры, есть по сути её *генетический код*. Именно он определил главный вектор и последующего её развития – постоянное “*философское беспокойство*” (Флоренский) с присущим ему стремлением к цельному восприятию мира. Именно с ним связана ориентация русской духовной культуры на синтез философского и художественного начала, на единение двух различных, но взаимодополняющих одна другую, сторон человеческого мироощущения – понятийно-познавательной и художественно-образной, на *согласие предметно-художественного мышления и философской рефлексии*.

Начало положили “Философические письма” П.Я. Чаадаева, о которых М.О. Гершензон писал: “В железной и вместе с тем свободной последовательности его умозаключений столько сдержанной страсти, такая чудесная экономия

сил, что и помимо множества блестящих характеристик и художественных эпитетов, за один этот строгий пафос мысли его “Философические письма” должны быть отнесены к области словесного творчества наравне с пушкинской элегией или повестью Толстого”⁴. Историко-софский вызов, брошенный П.Я. Чаадаевым отечественной истории, наложил отпечаток на всё дальнейшее развитие не только философской мысли (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, А.И. Герцен, К.Н. Леонтьев, Вл. Соловьёв), но и на поэтическое творчество, включая А.С. Пушкина. – Вспомним, что страстный, программный для современников и будущих поколений призыв поэта “Товарищ, верь!” родился именно как ответ на идеи Чаадаева, друга и почитаемого Пушкиным мыслителя. Союз двух видов творчества надолго определил лицо отечественной поэзии, “выдав” ей “патент на благородство” (Фет). Думаю, что этот патент был одновременно выдан и философии, которая весь XIX век вместе с поэзией звала к милосердию, к противлению злу, неправде, несправедливости, блестяще доказав, что сциентизация не мешает ей быть “философией добра”.

Некоторые исследователи, правда, склонны оценивать этот факт как своеобразную инфляцию философского понятийного аппарата. Но мне представляется, что в данном случае уместнее говорить не об инфляции, а об уникальности русской культуры – в том смысле, о котором писал, в частности, А.С. Ахиезер⁵. Думаю, по этой же причине насколько справедливо утверждение, что XIX век был для России литературо-центристским, настолько же справедливо утверждение, что он был веком *философско-центристским*. Я имею в виду не преобладание философии над всеми другими видами духовного творчества, а её значимость и степень влияния на духовную жизнь российского общества, следствием чего стала ситуация, при которой не только философия находила в многочисленных жанрах художественного творчества адекватную для себя форму, но и художественное творчество было пронизано философскими идеями. Придавая особое значение этому факту, С.Л. Франк, напомню, писал: “Глубочайшие и наиболее значительные идеи были высказаны в России не в систематических научных трудах, а в совершенно иных формах – литературных”⁶. И в этом

⁴ Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. П.Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989. С. 151.

⁵ См.: Ахиезер А.С. Об особенностях современного философствования. Взгляд из России // Ахиезер А.С. Труды. М., 2006.

⁶ Франк С.Л. Русское мировоззрение // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 163.

смысле (т.е. по способу самовыражения) русскую философию, считал он, правильное было бы назвать *мировоззренческой* теорией. Связанная с ней интерпретация мира исходила из признания непосредственной данности бытия и укорененности в нём ценностно-ориентированного субъекта, что вносило изменения в постановку исходной философской проблемы – проблемы познания, т.е. духовного творчества. Она стала толковаться как *проблема Бытия*, в которое духовно-нравственные смыслы включаются на правах структурообразующих элементов.

Это принципиально меняло и интерпретацию природы философской рефлексии: последняя признавалась как функция такого ума, который не только понимает, но и *ведает, наполненный и движимый энергией чувства*. В свою очередь это утверждало особое отношение к художественному творчеству и его жанрам, они воспринимались как возводящие философское восприятие мира на уровень *истинного* знания. Так понятая познавательная задача позволила выявить, как справедливо отмечает В.К. Кантор, общее смысловое поле – тайны космоса и человеческого бытия, жизни и смерти, насилия и свободы, которое и в XX в., предельно сциентистском, веке русская философия и поэзия продолжали считать *в равной степени своими*. И об этом убедительно свидетельствует рецензируемая Антология.

ДВЕ НОЧИ

Поздняя осень (У окна)

Вновь, пред Тобой простираясь, ломаю я руки;
с горькой полынью в устах исповедаю вновь
отречение.

Вновь припадаю к доскам, чтоб опять удушить
свои муки –
взлётов бескрылых стремленье.

Господи, Господи! видишь Твоим быть хочу я.
Господи сладкий! я холодом горьким отчаянья
вею ...

Дождь застучал ... Ветер рвётся листьями окошки
бичуя.

Вновь я любить не умею ...

О, Христе, посети же! Хочу ведь хотеть, но без
силы
тщетно я рвусь из себя ... Лишь звенящую медью
стенает
сердце пустое ... Скрепят дерева ... А вихрь, –
налетая – с могилы
стоны ветвей заглушает. (П. Флоренский, с. 57)

Что это? – Молитва, крик о помощи, обращённые к Всевышнему (может, к Разуму?) человека, обесившего от страданий сомневающейся души? Бесспорно одно: это поэтический шедевр, несущий такой энергетический заряд, приняв который читатель замирает под его тя-

жестью. Здесь искусство утверждает своё право быть посредником между Вселенной (Богом) и человеческим “Я”, а философия – право смотреть на мир сердцем поэта. И снова позволю себе отступить всё к тем же истокам. В русской философии это право первыми утвердили своим философско-поэтическим творчеством Любоумдры – Д.В. Венивитинов, В.К. Кюхельбекер, С.П. Шевырёв, А.С. Хомяков, позже уже и сами поэты – Ф.И. Тютчев, Е.А. Боратынский, Я.П. Полонский, А.А. Фет, А.А. Голенищев-Кутузов, заставившие признать, что человеческому сердцу (и мысли) суждено от века биться “на пороге как бы двойного бытия”, и потому “поэзия сердца” так же всемогуща, как “поэзия мысли”. В результате художественное творчество надолго наполнилось глубиной философского видения мира, которому стало обязательно и чарующей пантеистической поэзией, и пронзительностью темы одиночества, и экзистенциалистским воспроизведением повседневности, и многими поэтическими образами, ставшими символами русской поэзии. В полной мере это можно сказать о представленных в Антологии лирических стихах В. Петрицкого (“Какая может быть награда...”, “Уходят люди, словно гаснут звёзды”, “Я время пробую на ошупь”), С. Пяташа (“Молитва”, “Искомое”, “Я”), Л. Матрос (“Так суждено”, “Без осени”, “Каждому в жизни раз”). Приведу одно из них.

ИСКОМОЕ

Хочу с лесными я шатрами
Немолчный слушаю говор рек,
Обнявшись с вольными ветрами,
Движеньем свой наполнить век.
Хочу бурливым водопадом
Лететь с заоблачной скалы,
Плодоносящим стать бы садом,
Накрыв цветением стволы.

Степным дождём хочу пролиться,
Цветком в ущелье расцвести,
Мечтаю в солнце превратиться
И бытия узор плести.

Но лишь однажды, в час урочный,
Исковым жажду излечу,
Когда усталый и порочный
От плоти духом отлечу.

Тогда без чувств, без ожиданий
Свободой истинной упыюсь;
Вне шор логических блужданий
Я – с бесконечностью сольюсь... (С. Пяташ,
с. 276)

Стихотворение завораживает своей музыкальностью, а затаённое в нем признание-грусть

глубиной мысли и силой чувства, – тем, что отличало пантеистическую поэзию её лучших представителей.

Союзу с философией русская поэзия обязана особым жанром, утвердившим за ней статус Философской Лирики, способной “шепнуть о том, пред чем язык немеет” (Фет) и потому быть выразителем искомого поэтом и мыслителем “импрессионизма мысли” (Вл. Соловьёв), связанного с ним ощущения *запредельного*, невыразимого простым словом, – для этого требуется художественная интуиция, сродни философской рефлексии. Очень многие стихотворения, представленные в Антологии, можно отнести именно к таким – Ю. Боров (“Вечное беспокойство”, “Безнадёжность бытия”, “Мне дождь весенний говорит”), Л. Столович (“К Данте”, “Завещание Экклезиаста”, “Простота”), Вел. Петрицкий (“Какая может быть награда...”, “Уходят люди...”, “Тайный час”), В. Рабинович (“Письмена”), О. Козина (“Шиповник”, “Демон”, “Демон и Тамара”). Приведу лишь одну из этих философско-поэтических миниатюр.

Я время пробую на ощупь,
Я им, как воздухом, дышу;
Его невидимую толщу
Легко я на плечах ношу
И верю, час такой настанет –
Сполна проявится родство:
Я растворюсь в нем, как в тумане,
И стану каплею его... (Вел. Петрицкий,
с. 131)

Ещё один важный момент, о котором хочу сказать отдельно. Начиная с эпохи Просвещения и философия, и поэзия несут на себе печать сознания их субъекта – русской интеллигенции, о которой Д.С. Мережковский когда-то сказал: “Сила русской интеллигенции – не в *intellektus*’е, т.е. не в уме, а в сердце и совести”. Постоянным генератором интеллигентского сознания стала вера в то, что именно она, интеллигенция, спасёт Россию. Эта вера стала для неё “общим масштабом в суждениях, критерием для жизненных оценок” (Бердяев). Однако здесь возникает одно существенное “но”. Если европейский интеллект всегда ощущал и осознавал себя человеком *своего* общества (его выдвинула социальная среда, объективно ставшая двигателем прогресса), то русский интеллигент уже по самому факту своего появления не мог осознавать себя иначе, как в противостоянии родившей его среде – самодержавию, крепостничеству, поголовному невежеству. Поэтому он *был* и одновременно *не был* сыном своей страны. Он был “страшно далёк” как от народа, так и от того социального слоя, к которому исторически и кровно (в буквальном смысле) принадлежал, он был *чужаком*

от рождения. Оценивая ситуацию, как в определённой степени роковую, В. Кормер писал: нигде и никто из образованных людей общества “не был до такой степени, как русский интеллигент, отчуждён от своей страны, своего государства, никто, как он, не чувствовал себя настолько чужим – не другому человеку, не обществу, не Богу – но своей земле, своему народу, своей государственной власти”⁷ (Кормер написал это более сорока лет назад, но что изменилось?). Такая ситуация и сделала его *русским интеллигентом* – человеком, готовым к постоянной философской рефлексии при её общественной неостребованности, к “государственному отщепенству” при согласии быть ангажированным государством, особо чувствительным к защите нравственных и гуманистических принципов общежития при предрасположенности к социальному мистицизму, а если говорить о нашем времени – к защите просветительских идей при деятельном согласии на превращение знания в товар, к протесту против засилья массовой культуры при непосредственном участии в распространении её худших образцов и принятии образа жизни преуспевающей посредственности. Иными словами, на всём бытии русской интеллигенции с момента её появления и до сегодняшних дней лежит печать *раздвоенности*, т.е. такого состояния разума, принципом которого является “опровергающая самого себя система оценок текущих событий, истории, социума”⁸.

Средоточие этой раздвоенности – рефлексия по поводу существующей власти. Именно эта рефлексия всегда была главной составляющей интеллигентского сознания и своеобразным камертоном поэтической Лирики, в которой за очень личным, экзистенциальным, с чем поэт остается один на один с собой в тяжёлые минуты одиночества, высвечивается жёсткий социальный подтекст. В Антологии это обнаруживают очевидно или скрыто стихи Ю. Борева (“Вечное беспокойство”, “Бывает: налаженный быт и уют...”), Л. Столовича (“Простота”, “Могилы Канта”, “Алексею Фёдоровичу Лосеву”), Г. Беневица (Стихи из цикла “Россия”), М. Сергеева (“Моё поколение”, “Кредо”, “Молитва св. Патрика”), Ларисы Матрос (“Каждому в жизни раз”, “Живёт на свете человек”, “Если б”, “Памяти Окуджавы”).

И становится понятно, что
История все ставит по местам –

Так время превращается в пространство
(Л. Столович, с. 120)

⁷ Кормер В. Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура. М., 1997. С. 216.

⁸ Там же. С. 226.

Личное поэта, а философа тем более, тысячами нитей связано с Бытием. Видимо, так устроена его душа – потому-то “он больше, чем поэт”. Тогда кто же? Привычный ответ – гражданин. Я добавлю – философ.

Закрывая последнюю страницу Антологии, мне захотелось открыть её снова. К сожалению, формат рецензии не дал возможности представить всех её авторов, и за это я прошу у них извинений. Книга вышла на русском языке, но за пределами нашей страны, поэтому познакомиться с ней тем, кто этого пожелает, чрезвычайно трудно. Это реалии, в которых мы сегодня живём. Но ведь они хотя бы в чём-то подвластны нам...

И потому, думаю, можно изыскать возможности издания её в России в расширенном варианте. Антология безусловно найдёт своих читателей среди любителей поэзии, но главное, она внесёт (уже внесла) свою лепту в понимание одной из важнейших философских проблем: как (какими средствами ума и души) возможно преодоление разрывов в восприятии человеком окружающего его мира и внутри своего собственного “Я”. Поэтому будет востребована и специалистами. Неужели бостонскому изданию суждено стать единственным?

И.Н. Сиземская

Н.В. ПОПКОВА. Философская экология. М.: Книжный дом “Либроком”, 2010, 352 с.

Эта книга называется, на первый взгляд, странно – казалось бы, какое отношение философия может иметь к экологии, как и чем она может ей помочь в ее борьбе за сохранение природы? Не будут ли философы мешать экологам своей критической рефлексией, своими вечными сомнениями и раздумьями там, где надо действовать?..

Действовать, конечно, надо, но надо время от времени и задумываться над своими действиями и над принципами, которыми ты руководишься в своей деятельности. Между тем экологические активисты к этому вовсе не склонны: как правило, они действуют, слепо руководясь заученными аксиомами. Эти экологические аксиомы, сформированные Барри Коммонером, гласят, что все в мире связано со всем, все должно куда-то деваться (т.е. все отходы должны кем-то перерабатываться), природа знает лучше и за все надо платить. Кажется, что это вполне очевидные истины, но стоит над ними задуматься, и окажется, что это вовсе не так.

Во введении автор книги подвергает критическому анализу третий закон Коммонера (“природа знает лучше”). Слово “природа” имеет много значений – какое из них имеет в виду Коммонер? Что значит “природа знает” – разве она разумное существо, чтобы знать и принимать решения? В это можно верить, но такая вера уже выходит за пределы науки, а экология считает себя именно наукой. Для кого, наконец, лучше то, что природа “знает”? Для всего живого? Но как тогда оценивать великие вымирания, губившие миллионы видов и целые классы живых существ? Для человека? Но почему же человек тысячи лет старается изменить природу, сделать ее более удобной для жизни? Одним словом, «“тре-

тий закон Коммонера” имеет главным образом психологический смысл, показывая, что житель современного постиндустриального мира забыл страх перед природными стихиями и, напротив, осознает свою зависимость от не контролируемых им технологических закономерностей. К экологии это не имеет отношения, к конкретным программам – тем более» (с. 5). И такого непонимания используемых терминов и разных двусмысленностей в популярной экологической литературе очень много. Немудрено, что предлагаемые экологами многочисленные программы спасения планеты реализуются неохотно и непоследовательно, а плоды их реализации не оправдывают ожиданий.

Именно поэтому экология и нуждается в помощи философии: только философия может навести порядок в понятийном аппарате экологии, осуществить логический и мировоззренческий анализ ее основных положений, прояснить и обосновать ее подходы. Всем этим и должна заняться та дисциплина, которую Н.В. Попкова называет философской экологией. В отличие от традиционной экологии, в ее задачу не входит оценка современного состояния и перспектив биосферы или поиск новых путей развития цивилизации – философская экология всего лишь “призвана прояснить слишком привычные мнения и стратегии, сформулировать их в максимально логичной форме – и оставить человека выбирать желаемое будущее, предельно ясно указав условия выбора” (с. 22). Для этого она должна подвергнуть тщательному анализу существующие взгляды на значение человеческой деятельности (прежде всего технической) для биосферы, выявить их антропологические и естественно-научные